

VII. ЕЛЕНА.

Введение къ этой трагедіи п. загл. „Елена и ея маски“ было найдено въ бумагах покойнаго И. Ф. и печатается здѣсь впервые, съ многими измѣненіями редакціоннаго характера. Въ дополненіе къ нему считаю полезнымъ и здѣсь дать краткій очеркъ развитія того варианта мѣта, которому слѣдуетъ поэтъ.

1) Согласно возобладавшей версіи Гомера и киклическихъ „Кипрій“ Александръ-Парисъ, присудивъ въ спорѣ богинь Афродитѣ первенство въ красоту, по ея внушенію похищаетъ Елену и привозитъ ее въ Трою, гдѣ она дѣлается его женой.

2) Согласно тому же Гомеру (Одиссея п. IV) Менелай, добывъ Елену изъ взятой Трои, долго съ ней скитается, при чемъ вѣтры заносятъ его и въ Египетъ. Покидая эту страну, онъ забываетъ принести жертвы богамъ; за это у острова Фароса, отстоящаго отъ Египта на одинъ день благопріятнаго плаванія* (ст. 356), вѣтеръ внезапно затихъ. Двадцать дней прождалъ онъ съ товарищами, припасы истожились; тутъ надъ нимъ скалилась морская нимфа Идоэя, дочь вѣщаго морского бога Протея; относясь къ этому своему отцу не особенно нѣжно (ст. 387), она учитъ Менелая, какъ ему завладѣть его особой, улучивъ минуту, когда онъ ляжетъ отдыхать со своимъ стадомъ моржей. Менелай исполняетъ ея совѣтъ, несмотря на то, что Протей постоянно мѣняетъ свой образъ, и узнаетъ отъ него, какъ ему умилоствитъ гнѣвъ боговъ. Затѣмъ онъ уѣзжаетъ и уже ни Протея, ни Идоэю болѣе не видитъ.

3) Гесиодъ—повидимому, въ своихъ „Каталогахъ“—далъ не только исторію сватовства, но и исторію похищенія Елены, вообще по гомерической версіи, но съ однимъ новымъ мотивомъ, б. м. народнаго происхожденія. А именно: желая по возможности облегчить побѣгъ Елены, Афродита создаетъ ея призракъ, который остается въ домѣ Менелая, вводя въ заблужденіе и домохадцехъ, и вернувшася супруга. Лишь когда преступная чета достигаетъ Трои, летучій призракъ испаряется въ эфиръ* и Менелай уѣзжаетъ искать исчезнувшую жену.—Этотъ мотивъ позднѣе воспроизвелъ со свойственной ему загадочностью Ликофронъ въ своей „Александрѣ“ (ст. 822), при чемъ его схоласть смысляется на Гесиода; его же имѣетъ въ виду и Эсхиль (Агам. 414). Воспользовалось имъ и христіанство: замѣняя по своему обыкновенію Афродиту Дѣвой Маріей, оно создало одну изъ своихъ самыхъ чудныхъ легендъ Marie la tourière—обработанную Готфр. Келлеромъ въ его „Семи легендахъ“ и недавно Матерлиникомъ въ его „Сестрѣ Беатрицѣ“.

4) Лирическій поэтъ VII в. Стесихоръ въ своей (потерянной) „Еленѣ“ слѣдовалъ въ изображеніи судьбы героини общепринятой гомерической версіи; за Эю, говоритъ легенда, его постигъ гнѣвъ Діоскуровъ, братьевъ Елены, и онъ лишился зрѣнія. Узнавъ о причинѣ своего несчастья, онъ сочинилъ г. наз. „Палинодію“, въ которой выставилъ Елену вѣрною женой, не посядававшей за обольстителя въ Трою. Подробности намъ

не извѣстны, но такъ какъ онъ былъ источникомъ Еврипида въ нашей трагедіи, то позволительно будетъ основныя черты этой послѣдней возвести къ нему. Итакъ, мы заключаемъ, что Стесихоръ воспользовался „мотивомъ призрака“, найденнымъ имъ у Гесиода, но только въ обратномъ смыслѣ: именно призракъ былъ похищенъ Парисомъ и увезенъ въ Трою, сама же Елена была перенесена волею боговъ на Фаросъ къ Протею, и тамъ провела все время, пока ее мужъ сражался и скитался. Наконецъ, Менелай былъ и самъ занесенъ вѣтрами къ Фаросу вмѣстѣ съ призракомъ, который онъ добылъ въ Трою; здѣсь Протей передалъ ему свою вѣрную жену, призракъ же испарился.—Легенду о слѣпотѣ Стесихора придется, разумѣется, отбросить: не Діоскуры, а покровительствующая ими Спарта заставила поэта черезъ союзную дельфійскую коллегію спасти честь своей богини Елены, какъ я это показалъ въ своей статьѣ (Изъ жизни идей III стр. 162 сл. 2-го изд.).

5) Геродотъ въ Мемфисѣ видѣлъ храмъ „Афродиты-странницы“ (II 112 сл.); о немъ „жрецы“ рассказали ему слѣдующую легенду. Когда въ Мемфисѣ царемъ былъ Протей, къ Канобійскому устью Нила была занесенъ Парисъ съ похищенной въ Спартѣ Еленой и съ сокровищами Менелая. Начальникъ устья Фописъ (попидимому, соответствующій тому „Фону“, котораго сама Елена Од. IV 228 называетъ своимъ хозяиномъ въ Египтѣ) донесъ Протею о его прибытіи, и тотъ потребовалъ его къ себѣ и спросилъ, откуда онъ везетъ женщину и казну. Парисъ хотѣлъ его обмануть, но былъ уличенъ собственными невѣрными рабами; узнавъ правду, Протей велѣлъ ему уплыть одному, сказавъ, что намѣренъ обречь Елену и ее добро для ее мужа. Все же троянская война состоялась, такъ какъ эллины не повѣрили клятвѣмъ троянъ, что Елены у нихъ нѣтъ. По взятіи города Менелай былъ занесенъ въ Египетъ, гдѣ получилъ отъ Протея обратно и жену и сокровища.—Египетскаго въ этой легендѣ врядъ ли найдется и крупнца; скорѣе всего „жрецы“, т. е. греческіе проводники, рассказали Геродоту версію Стесихора, а онъ рационализировалъ ее по-своему. Рационализація коснулась трехъ пунктовъ: 1) „призракъ“ былъ устраненъ; 2) фаросскій морской богъ Протей былъ превращенъ въ египетскаго царя, при чемъ для соединенія побережья съ царскою столицей на Нилѣ пришлось придумать посредника въ лицѣ Фописа; 3) вѣщанная сила морскаго бога была замѣнена показаніемъ рабовъ Париса.

6) Наконецъ, Еврипидъ опирается одинаково и на Стесихора и на Геродота; призракъ онъ удержалъ, но Протей рационализировалъ, его же вѣщую силу олицетворилъ въ его дочери, при чемъ созвучіе ее имени — Феоноя — съ геродотовскимъ Фописомъ врядъ ли случайно. Но такъ какъ его въ тѣ времена особенно интересовала интрига, то онъ честную отдачу Елены Протесомъ Менелая замѣнилъ побѣгомъ и для этого предположилъ, что мудрый Протей умеръ и его престоль унаследовалъ страстный и дерзкій, хотя и набожный Феоклиментъ. — Одно насъ смущаетъ: собственно геродотовская традиція вливается въ трагическую мифологию

не через Еврипида, а через Софокла. Про Софокла сохранилось свидѣтельство, что онъ написалъ трагедію п. загл. „Похищеніе Елены“ (Софокль III 274); не была ли эта трагедія соединительнымъ звеномъ между Геродотомъ и Еврипидомъ? Отнесенный мною къ этой трагедіи отрывокъ 773 этому вполне благоприятствуетъ. См. также ниже къ ст. 262.

* * *

Что касается перевода, то онъ принадлежалъ, повидимому, къ послѣднимъ по времени переводамъ покойнаго. Это можно заключить изъ того, что во введеніи—естественно написанномъ непосредственно послѣ перевода—цитируется появившаяся въ 1905 г. книга, но не цитируется вышедшее въ 1907 г. изданіе „Елены“ Веклейна, хотя и не особенно талантливое, но все же лучшее изъ комментированныхъ. Все-таки видно, что трагедія не заинтересовала переводчика; переводилъ онъ ее безъ увлеченія, рукописи пересмотру не подвергъ (вслѣдствіе чего въ ней почти нѣтъ поправокъ), такъ что мнѣ пришлось измѣнить довольно много стиховъ не столько ошибочныхъ, сколько слабыхъ, вялыхъ или не выдержанныхъ по настроенію.

Вотъ ихъ перечень: 1; 9—13; 18—20; 28; 37; 42—43; 54—59; 63—67; 70; 75—77; 81—82; 86—87; 90—96; 98; 101; 109—10; 115; 121—22; 126; 131; 137—38; 151—52; 155; 160—62; 188—90; 206; 209; 213—14; 220; 240; 251; 252—53; 257—59*; 262*; 273—282; 285—89; 296—99; 304—05; 309^a—15; 319—20; 324; 336; 340; 348—59; 363; 370—71; 375; 388; 419—22; 425—36; 440—42; 448—50; 452—55; 457—63; 469—70; 473—74; 478; 488—89; 503—04; 532; 534—37; 547; 555; 560*; 566—67; 569—71; 583—86; 588—93; 608—21*; 640—45; 658—60; 663—64; 669—74; 676; 680—85; 689—97; 703—15; 718—19; 735—43; 750—71; 779—81*; 793—98; 800—02; 801—12; 814; 818—19; 822—23; 828—29; 831—33; 837; 844; 817; 852; 865—66*; 875; 883—84; 901—25*; 931; 933—38; 945—46; 950—53; 958—65; 969—85; 991—95; 999—1024*; 1030—35; 1037—38; 1049—52; 1056; 1081—84; 1038; 1100; 1102—06; 1117; 1164; 1168; 1172; 1176; 1197*; 1200—01; 1205—06; 1212; 1214—21; 1228—30; 1232—35; 1237; 1240—51; 1255—56; 1259; 1264; 1266—73*; 1278—79; 1283—84; 1288—301*; 1334; 1338; 1347—55*; 1366—67*; 1372—73; 1379—81; 1383—89; 1392—98; 1406—11; 1414—15; 1419—21; 1427; 1441—50; 1459—60; 1478—99; 1503—11; 1518; 1520—22; 1537; 1545; 1564; 1567—68; 1573—74; 1586—88; 1593; 1597; 1600; 1605; 1613—24; 1629—31; 1634—36; 1640—41; 1646—47; 1657—61; 1665—66; 1668—87.

Ст. 3. Намекъ на славное въ древности бездождье Египта. Въ объясненіи загадочныхъ наводненій Нила Еврипидъ слѣдуетъ теоріи своего учителя Анаксагора, согласно которой ихъ производятъ таяніе эвонпійскихъ ледниковъ; ср. Diels, Vorsokrat. I 310, 10—17. Того же мнѣнія, впрочемъ, былъ и Эсхиль съ Софокломъ. О извѣстномъ положеніи

„острова“ Фароса и Нила поэтъ имѣетъ, повидимому, весьма смутное представленіе, разъ онъ счелъ возможнымъ соединить традиціи Стесихора и Геродота.

Ст. 6. Псамава—отъ ψαμας, „(морской) песокъ“—для Неренды явилъ естественное и часто встрѣчающееся имя. Неренду Псамаву мифологія знаетъ какъ божественную супругу Эака и мать прекраснаго Фока (ср. къ Андр. 687); женой Протея ее вводитъ только Еврипидъ, но врядъ ли впервые. Поводомъ къ отождествленію послужило, вѣроятно, созвучіе имени сына отъ Эака Фока съ ψόχα (моржами), которыхъ по Гомеру (Од. IV 346) пасетъ морской богъ Протей.

Ст. 9 сл. Стихъ „Усерднаго служителя боговъ“, въ подлинникѣ метрически неправильный, сомнителенъ; Марри, по примѣру Наука, его заключаетъ въ скобки. Дѣйствительно, онъ могъ быть приписанъ какъ объясненіе „веофорнаго“ имени царевича, по аналогіи имени Θεοιον (ниже ст. 11). Но, съ другой стороны, это имя дѣйствительно нуждалось въ объясненіи, и характеристика Θεοκλιмена какъ богобоязненнаго мужа не излишня: именно этой его чертой пользуется Елена для своего плана. См. къ ст. 1165 сл.

Ст. 11 сл. Идѣ—уменьшительное отъ Идѣея, т.-е. „богиня образовъ“ (Ἰδέειν); такъ Гомеръ называетъ шаловливую дочку мѣняющаго свои образы морского бога Протея согласно греческому обычаю называть дѣтей по качествамъ или заслугамъ отца. Когда Протей изъ хитраго фаросскаго демона былъ превращенъ въ благочестиваго египетскаго царя, его дочь испытала соотвѣтственную метаморфозу и стала почтенной прорицательницей. Поэтому ей дано и другое имя, подходящее къ ее новой роли—имя Θεοιον, т.-е. „божьей мысли“. Источникомъ ее пророческаго дара—послѣ того, какъ Протей сталъ изъ бога царемъ—пришлось признать отца ее матери, вѣщага морского бога Нерсея,—вѣроятно въ томъ смыслѣ, что онъ научилъ свою внучку искусству гаданія.

Ст. 18 сл. Любовь Зевса-лебедя и Леды—отголосокъ стариннаго сказочнаго преданія объ Еленѣ, какъ царевнѣ-лебеди. Еврипидъ плохо въ него вѣрить.

Ст. 23. Еврипидъ здѣсь имѣетъ въ виду свою собственную (потерянную) трагедію „Александръ“, поставленную тремя годами раньше, въ 415 г.; о ней см. т. VI и Софокль III 273. Для пониманія имени надо помнить слѣдующее: 1) Пріамъ своего младенца назвалъ Парисомъ; испуганный предзнаменованіемъ, онъ велѣлъ бросить его въ лѣсистыхъ ущельяхъ Иды. 2) Тамъ его нашли пастухи и назвали по мѣсту Идеемъ; они же его воспитали. 3) Выросши, онъ отразилъ нападеніе разбойниковъ на идейскія стада, за что получилъ почетное прозвище Александра („отразителя мужей“). 4) Уже какъ Александръ, онъ сталъ судьей трехъ богинь. 5) Вслѣдъ затѣмъ онъ, неузнанный, побѣдилъ своихъ братьевъ на играхъ, что повело къ его признанію отцомъ, какъ Париса.

Ст. 36 сл. Въ этомъ объясненіи Зевсовой воли Еврипидъ слѣдуетъ киклическимъ „Кипрїямъ“, ср. объ этомъ Софокль III 271.

Ст. 68 сл. Тевкръ. У царя саламинскаго Теламона было два сына: одинъ законный, Аянтъ, другой побочный, отъ троянской плѣнницы, Тевкръ. Оба отправились подъ Трою—первый какъ тяжеловооруженный, второй какъ стрѣлокъ,—и отличились среди товарищей. Когда Ахиллъ илль, его мать Фетида поручила ахейскимъ вождямъ присудить его золотые доспѣхи лучшему изъ его соратниковъ. Двое выступили соперниками, Аянтъ и Одессей; судъ рѣшилъ споръ въ пользу Одиссея. Оскорбленіе это привело Аянта въ изступленіе, и онъ покончилъ съ собой, бросившись на свой мечъ. Когда позднѣе Тевкръ одинъ возвратился изъ Саламинъ, его отецъ Теламонъ проклялъ его за то, что онъ далъ своему брату погибнуть, и велѣлъ ему покинуть страну; но Аполлонъ его утѣшилъ, предсказавъ ему, что ему суждено основать новый Саламинъ на островѣ Кипрѣ.—Такова была мнѡпея Эсхила изъ его потерянной „Аянтиды“ (т.-е. трагедїяхъ „Судъ о доспѣхахъ“, „Фракїянки“ и „Саламинянки“; см. Софокль I 20 сл.), источникомъ его была киклическая „Эвлопида“.—Мнѡпея Софокла въ его сохранившемся „Аянтъ-биченосцѣ“ отличается отъ нея главнымъ образомъ тѣмъ, что у него пораженіе Аянта въ судѣ о доспѣхахъ не ведетъ непосредственно къ его самоубійству; слѣдуя другому киклическому эпосу, „Малой Илиадѣ“, онъ изображаетъ дѣло такъ, что Аянтъ послѣ своей неудачи воспыалъ жадной мести и хотѣлъ ночью перебить своихъ оскорбителей, но, обезумѣвъ, принявъ ахейскія стада за воиновъ и ихъ перерѣзая, а затѣмъ, придя въ себя, попялъ, какимъ позоромъ онъ себя покрывъ, и въ здоровомъ умѣ съ собой покончилъ. Еврипидъ, однако, какъ показываетъ ст. 97 и въ особенноти 102, слѣдуетъ не Софоклу, а Эсхилу, что особенно замѣчательно потому, что „Аянтъ“ Софокла былъ поставленъ послѣ „Аянтиды“ Эсхила; итакъ онъ игнорируетъ соперника и примыкаетъ къ общему учителю. Отъ себя онъ сочиняетъ, что Тевкръ на пути въ Кипрѣ захватилъ въ Египетъ (что было порядочнымъ обвѣздомъ), чтобы посоветоваться съ пророчицей Феоноей.

Ст. 99. Ахилла среди жениховъ Елены ни гомерическая, ни гесиодовская традиція не знаютъ; киклическія Кипрїи лишь передъ самымъ походомъ таинственнымъ для насъ образомъ сводятъ Ахилла и Елену. И все же это—первоначальная форма преданія; см. „Изъ жизни идеи“ III 156 сл. 2-го изд. Она сохранилась въ Спартѣ, т.-е. тамъ же, гдѣ признавалась божественность Елены; Еврипидъ почерпнулъ ее, по видимому, изъ Стесихора, см. Max. Mayer de Eur. mythosocia (1883) 20.

Ст. 116. Здѣсь поэтъ воспроизводитъ свою собственную традицію въ „Троянкахъ“ (поставленныхъ тремя годами раньше) ст. 862; см. комментарий (т. V наст. изд.).

Ст. 136—42. Варианты о самоубійствѣ Леды и Диоскуровъ стоятъ одиноко; впрочемъ, Еврипидъ выражается въ обоихъ случаяхъ очень осторожно, не беря на себя ответственности за „слухъ“. На второй вариантъ

(о Діоскурахъ) его могло навести красивое мѣсто въ Иліадѣ (III 241), гдѣ Елена, не видя своихъ братьевъ среди ахейскихъ витязей, предполагаетъ, что стыдъ, которымъ она покрыла свой домъ, не далъ имъ принять участіе въ походѣ,—и поэтъ отъ себя продолжаетъ: „такъ говорила она,—а ихъ уже покрывала кормилица-земля“.

Ст. 164 сл. Пародъ съ его на нашъ вкусъ однообразнымъ содержаниемъ вызванъ исконно-греческой потребностью почтить плачемъ память дорогихъ почившихъ. Это, во-первыхъ, мать Елены—Леда, во-вторыхъ, ея братья—Діоскуры, въ-третьихъ,—вѣроятно, мужъ—Менелай. Призываемая сю здѣсь въ строфѣ сирены—не гомеровскія прелестницы, олицетворенія пѣвучей смерти въ волнахъ, а Музы надгробнаго плача, часто изображаемая какъ таковая на гробовыхъ плитахъ въ эпоху Еврипида и послѣдующую.

Ст. 179 сл. Мотивировка появленія хора—совершенно такая же, какъ и въ „Ипполитѣ“; въ ней сказалась любовь Еврипида втягивать обыденную жизнь въ обстановку трагедіи. Какъ видно изъ отвѣта Елены, женщины хора—эллинскія полонянки, похищенные пиратами (скорѣе всего, финикійцами) и проданныя египетскому царю.

Ст. 196 сл. Замѣчательно, что первый предметъ жалобы Елены, здѣсь, какъ и въ эподѣ—гибель неповинной Трои (ср. также ст. 109), которой она никогда не видѣла. Поэтъ все еще подъ впечатленіемъ потрясающей трилогіи, поставленной имъ тремя годами раньше („Александръ“, „Паламедъ“, „Троянки“).

Ст. 210. Рѣка Евротъ въ древности, какъ и нынѣ, славилась своимъ тростникомъ; молодые спартацы должны были срывать его собственными руками для подстилокъ, на которыхъ они спали.

Ст. 212. Здѣсь выражено особенно ясно народное ученіе о демонахъ-хранителяхъ. Въ моментъ зачатія человѣка (по другимъ свѣдѣніямъ: его рожденія) демоны какъ бы мечутъ жребій о немъ. Отъ того, какому демону онъ достался, зависитъ его дальнѣйшая жизнь. Платонъ признаетъ это ученіе въ „Федонѣ“ (р. 107 d), но отвергаетъ въ „Государствѣ“ (р. 617 e).

Ст. 228. Храмъ Аены Мѣдиозданной (χαλκιοίκος) былъ однимъ изъ главныхъ въ Спартѣ и, несмотря на его простоту, однимъ изъ самыхъ славныхъ въ Элладѣ; здѣсь былъ замурованъ царь-измѣнникъ Павсаній. Свое имя онъ получилъ отъ мѣдной облицовки своихъ стѣнъ.

Ст. 229. Ср. Иліада V 62 (про Ферекла, Гермонова сына):

Онъ и Парису-герою суда многовеселая строилъ,
Бѣдствій и начало, навлекшія гибель какъ всемъ иліонцамъ,
Такъ и ему.

Ст. 239. Въ основныхъ рукописяхъ *Δαναΐδες ἤρωςτα θάνατον Προφίλας*, что невозможно. Изъ издателей одни прибавляютъ *τε* къ концу стиха, другіе (Наукъ и по его примѣру Марри) устраняютъ послѣднее слово. Думаю,

что послѣ начала эпода упоминае о Троѣ не можеть отсутствовать; было бы нелѣпо сказать: „Кто построилъ роковое для Иліона судно? На немъ Парисъ утлылъ на горе элиинамъ!“.

Ст. 241 сл. Сравни прологъ ст. 31 сл.

Ст. 257—59 И. Θ. по примѣру Бэдгэма (съ которымъ согласенъ и Марри) считаеь вставкой. Дѣйствительно, это стихи—въ подлинникѣ еще болѣе, чѣмъ въ переводѣ—разрываютъ связь мыслей, да и по содержанию они не хороши: Елена, относившаяся ст. 18 сл. съ недоверіемъ даже къ преданію о бракѣ Зевса и Леды и своемъ происхожденіи отъ него, врядь ли могла говорить, какъ о фактѣ, о чудесномъ яйцѣ, спесенномъ своей матерью. Но, съ другой стороны, смѣна настроеній—у Еврипида дѣло обычное, и такую же непослѣдовательностью страдаетъ и разсказъ Геракла (Гер. 1263 сл.), который вообще представляетъ много сходства съ нашимъ; объективныхъ же данныхъ противъ этихъ стиховъ привести нельзя.

Ст. 262 сл. Очень замѣчательное мѣсто, понынѣ не оцѣненное (о полихромии статуи я не говорю, такъ какъ переводъ И. Θ. въ этомъ отношеніи не обязательенъ, хотя и возможенъ: греч. ἄχρῳα можеть означать и картину). Слова εὐδὶς κείῃ въ подлинникѣ доказываютъ неопровержимо, что Елена говоритъ не о томъ, чтобы боги слѣдали ее безобразной, а о томъ, чтобы они вернули ей ее прежнее безобразіе. Игакъ, существовало преданіе, согласно которому вылунившаяся изъ яйца Елена была некрасивой и только божьимъ чудомъ (Афродиты?) была превращена въ красавицу. Совершенно такое же преданіе разсказываетъ Геродотъ VI 61 (ср. у меня „Изъ жизни идей“ III 162, 2-го изд.); только тамъ Елена творитъ это чудо надъ маленькой спартанкой, будущей царицей. Но, съ другой стороны, ясно, что не Еврипидъ перенесъ эту геродотовскую легенду на Елену: его слова въ своей краткости непразумительны, если не предположить, что у него былъ предшественникъ. Этимъ соображеніемъ подтверждается высказанное выше стр. 471 предположеніе, что драматическою предшественницей нашей „Елены“ было „Похищеніе Елены“ Софокла, вообще любовнаго вставлятъ въ свои драмы геродотовскіе мотивы.

Ст. 283. О своей дочери Герміонѣ Елена воспоминаетъ и у Софокла (III 410 отр. 788). „Сдѣвгъ“ сказано, конечно, о будущемъ; ср. Андр. 318.

Ст. 284. „Зевсъ далъ имя“—имя Діоскуровъ.

Ст. 299—302 Марри по примѣру Гартунга считаеь подложными, но И. Θ. ихъ перевелъ, и я съ нимъ согласенъ; они могутъ не правиться намъ, но они въ духѣ той „эстетики смерти“, которую мы не разъ встрѣчаемъ у древнихъ начиная съ Илиады XXII 71 сл.

Ст. 309. Согласенъ съ Г. Германомъ, что смыслъ требуетъ здѣсь и въ ст. 310 перемѣщенія заключительныхъ словъ ἔκτ. и σαρῶ.

Ст. 370. Общечеловѣчскій знакъ траура. „И положила руки свои на голову свою, и такъ шла и вошла“ (II Царствъ XIII 19).

Ст. 375 сл. По обычаю трагедіи Елена приводитъ параллели изъ про-

илаго, чтобы доказать себѣ, что она все же еще несчастлѣе. Первая общензвѣстна: аркадійская нимфа Каллисто своею любовью пахнула Зевса и стала отъ него матерью Аркада и родоначальницей аркадцевъ; а такъ какъ Каллисто—ипостась Артемиды, главной богини Аркадіи (отъ ἄρκτος = „медвѣдь“), т. е. „медвѣжьей страны“, то и ее представляли медвѣдицей. Позднѣйшее смягченіе: ревнивая Гера превратила соперницу въ медвѣдицу.—Интересна здѣсь психологія метаморфозы: пониженіе сознательности облегчаетъ боль.—Вторая параллель очень темна, будучи заимствована изъ мифовъ острова Коса, намъ лишь отрывочно извѣстныхъ; къ тому же употребленный Еврипидомъ глаголь—, и та, которую нѣкогда Артемиды ἰξερὶβόας златорогую лань, Титаниду, дочь Меропа, красоты ради“ намъ непонятенъ. Не берусь рѣшить загадку.

Ст. 379. Буквальный переводъ „съ дикимъ (ἀγρῶ) взоромъ львицы (λεῶν:)“; но о превращеніи Каллисто въ львицу ничего не извѣстно. По видимому, текстъ испорченъ; но коньектура Марри ἰξερὶ βόας δ' ἄρκτος σὺ δὲ λείωνος „нѣжнымъ взоромъ ты смягчашь наружность“ не приемлема. Оставляю мѣсто подъ сомнѣніемъ.

Ст. 385. Временный уходъ хора со сцены—явленіе въ трагедіи очень рѣдкое; мы имѣемъ его еще по разу у Эсхила (въ „Евменидахъ“) и у Софокла (въ „Лаятѣ“) да у Еврипида въ „Алкестѣ“ (ст. 746). Тѣ поэты его допустили въ связи съ перемѣной декораций, Еврипидъ—въ видахъ большаго правдоподобія слѣдующихъ сценъ.

Ст. 386 сл. Приходъ Менелая былъ пародированъ Аристофаномъ въ его „Фесмофоріахъ“ (ст. 855 сл.), см. ниже. Изъ этой пародіи (ст. 935) можно заключить, что онъ былъ одѣтъ въ лохмотья разорваннаго паруса, на что указываетъ и ст. 422 нашей трагедіи.

Ст. 398 сл. содержатъ указаніе на подробность мифа объ Эномѣ (о которомъ см. Софоклъ III 254), намъ изъ другихъ источниковъ неизвѣстную: а именно, что свадьба Пелопы и Ипподамии, дочери Эномая, была такъ же почтена присутствіемъ боговъ, какъ и свадьба Пелея и Фетиды, или Кадма и Гармоніи. Быть можетъ, эту подробность ввелъ именно Еврипидъ, объ „Эномѣ“ котораго см. въ т. VI.

Ст. 395 сл. Poleмическая форма заставляетъ предполагать „рудинскій мотивъ“. Дѣйствительно, Софоклъ принимаетъ тотъ вариантъ традиціи, согласно которому женихи Елены, связанные своею клятвой, данной Тивдарею, по принужденію послѣдовали за Менеласемъ. Но Еврипиду, напротивъ, они за нимъ пошли добровольно.

Ст. 513. Часто встрѣчающееся сравненіе: быстрый бѣгъ степенной женщины не приличествуетъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда она находится въ вакхическомъ вступленіи. Другое извиненіе того же неприличія у Софокла, Эл. 872.

Ст. 560. Стихъ для многихъ загадочный. Но въ древніе обожествляли также и знаменательные моменты человѣческой жизни—чаще римляне, но иногда и греки: богиней считали Побѣду, богомъ Эроса и т. д.

Елена говоритъ: богомъ считаю я и „Узланіе друга“, т. е. такимъ знаменательнымъ моментомъ, что я въ правѣ его обожествить.

Ст. 569. Гекага—богиня чаръ и ночныхъ привидѣній, была также покровительницей дорогъ, окаймленныхъ гробницами, и имѣла свои капища у перекрестковъ; какъ ипостась Луны, она изображается съ факеломъ въ рукѣ. Считая Елену привидѣніемъ, Менелай молится, чтобы ея появленіе не принесло ему несчастья.

Ст. 581. Эфиръ. Мнѣніе объ удвоеніи человѣческихъ (и божескихъ) личностей путемъ созиданія ихъ подобій (εἰδωλά)—мнѣніе очень древнее. Но болѣе ранніе поэты не мудрствуютъ надъ этимъ чудомъ: у Гомера (Ил. V 419) Аполлонъ просто подмѣняетъ спасеннаго имъ Элея его подобіемъ, и ахейцы и трояне сражаются изъ-за этого подобія; у Пиндара (Пін. II 67) Иксионъ, влюбившись въ Геру, совокупляется съ „облакомъ“, имѣющимъ обманчивое сходство съ богиней.—Еврипидъ поставилъ и это представленіе на научную—по тѣмъ временамъ—почву. Дуализму тѣла и души соответствуетъ космическій дуализмъ земли и эира: душа отъ эира, тѣло отъ земли. Но съ этимъ очень распространеннымъ въ V в. дуалистическимъ представленіемъ скрещивается монизмъ Гераклита, согласно которому одушевленный огонь, онъ же и эфиръ (αἴθερ „пылающій“) былъ началомъ всего, какъ тончайшая матерія. Итакъ, путемъ сгущенія этого эфирнаго вещества можно образовать и тѣла, которыя, какъ происшедшія изъ эира, будутъ и одушевлены. Такъ возникаетъ здѣсь подобіе Елены, такъ Вакх. 292 подобіе Діониса, такъ, безъ сомнѣнія, въ „Иксионѣ“ подобіе Геры. Правда, при этомъ зарождается вопросъ: чѣмъ же отличалось такое чело эира отъ настоящаго существа? Былъ ли Парисъ, а за нимъ Менелай, обладая эфирной Еленой—тогъ въ продолженіе десяти, этотъ семи лѣтъ—поставленъ въ худшее положеніе, чѣмъ если бы въ ихъ рукахъ находилась полнѣнная дочь Леды? Если да, то какъ же они этого не замѣтили? Если нѣтъ, то чѣмъ же ихъ труды были напрасны?... Еврипидъ этого вопроса не поставилъ, но крайней мѣрѣ здѣсь; поставилъ его И. Э. и разрѣшилъ съ большою тонкостью въ своей трагедіи „Нарь Иксионъ“.

Ст. 593 сл. Въ этихъ стихахъ (буквальный переводъ: „тамоніше множество грудовъ меня убѣждаетъ, а ты—нѣтъ“) зенигъ паэоса нашей трагедіи, ради нихъ однихъ стоило ее написать. Послѣ словъ привратницы у Менелая оставалась еще надежда, что совпаденіе именъ Елена, Зевсъ, Спарта, Лакедемонъ, Тиндарей—дѣло случая; теперь, когда прибавилось свидѣтельство глазъ и объясненіе самой Елены, его разумъ уже не можетъ протестовать. И что же? Онъ отъ дѣйствительной Елены возвращается къ призрачной, призрачная стала для него дѣйствительнѣе самой дѣйствительности—потому что она въ страданіи. Вотъ символъ, живой и понятъ и на всѣ времена.

Ст. 600. Менелай, повидимому, возвращается на минуту къ промелькнувшей у него ст. 475 мысли, что египтяне похитили его Елену.

Ст. 613. „Велѣніе Миръ“ объясняется сказаннымъ въ ст. 36 сл. Троянская война была необходима; а потому была необходима и похищенная Елена въ Трѳѣ, если не настоящая, то призрочная.

Ст. 620. Я принимаю конъектуру Мильтона *μῆτιν* вм. *ἄδην*, которую Марри даже не удостоиваетъ упоминанія. Рукописное чтеніе даетъ смыслъ при слѣдующемъ переводѣ: „Я не хочу, чтобы ты снова играла нами (т.-е. опять отъ насъ бѣжала), такъ какъ ты достаточно (*ἄδην*) трудовъ въ Иліонѣ доставила мужу и союзникамъ“. Но при этомъ допускается, что *κρίσιμῃ* (всегда „коригь, попрекать“ словами) можетъ означать „играть“ (*δῆλον* εἶναι) — съ чѣмъ согласиться нельзя. При принятомъ чтеніи слуга ссылается на свой собственный рассказъ ст. 608 сл., что вполнѣ естественно — разъ онъ въ египетской Еленѣ призналъ троянскую, прощальныя слова последней могутъ быть для него только насмѣшкой. — Загадочель для меня переводъ И. Э.:

Но такъ
Не поступай вгорично. Мало-ль (*ἄδην*) муки
Изъ-за тебя подѣ Иліономъ мужъ
Съ ахейцами дѣлалъ — и понапрасну (*μῆτιν*), —

какъ бы соединяющій рукописное чтеніе съ конъектурой. Во всякомъ случаѣ онъ вводитъ противорѣчіе: если троянская Елена тождественна съ египетской, то труды не были напрасны.

Ст. 632. У насъ „волосы дыбомъ становятся“ только отъ страха, что древнимъ тоже было извѣстно. Какъ видно, однако, изъ этого мѣста, ихъ наблюденіе было шире — и вѣрнѣе.

Ст. 640. Предполагается, что Диоскуры, божества свѣта, вмѣстѣ съ другими чествовали свадьбу своей сестры.

Ст. 645. Мелелай произнесъ съ виду эгонистическую молитву, чтобы счастье сопутствовало ему; хоръ, сочувствующій Еленѣ, присоединяется къ ней, давая понять, что его счастье — въ то же время и счастье его жены.

Ст. 739. Этимъ приказаніемъ подготавливается выступленіе рати Менелая, о которомъ рассказывается ниже ст. 1537.

Ст. 744 сл. Этотъ выпадъ противъ вѣдовства характеренъ для Еврипида. Всякій сравнитъ его со знаменитыми словами Эдипа у Софокла II. Э. 964 сл.; только тамъ сомнѣніе будетъ опровергнуто, здѣсь оно торжествуетъ. Правда, защитникъ оракуловъ могъ бы возразить поэту, что Калхантъ и Елена (вѣщій сынъ Пріама) не отвѣтственны за вымыселъ Стесихора, который ему угодно было принять; дѣйствительно, онъ здѣсь такъ же несправедливъ, какъ и въ „Андромахѣ“ ст. 1161 сл. (см. комментарий къ этому мѣсту).

Ст. 752. Этотъ отвѣтъ — незыблемая часть вѣдовской науки; онъ предполагается, напр., на вопросъ Эдипа, почему Тиресій не указалъ оиванцамъ разгадки загадки сфинкса, или послѣ убійства Лаія — его убійцы; его же въ ясныхъ словахъ пародируетъ Аристофанъ „Птицы“ 965. Воз-

раженіе же слуги несостоятельно; ему можно было отвѣтить: „изъ того, что гадагели въ извѣстныхъ случаяхъ обязаны молчать, еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ знаніе всегда было бесполезно“.

Ст. 766 сл. Послѣ того, какъ буря на Эгейскомъ морѣ разъединила отдѣльныя эскадры греческаго флота, часть ихъ направилась къ еврейскимъ берегамъ. Здѣсь царствовалъ Навилій; разгнѣванный на ахейцевъ за неправый судъ надъ его сыномъ Паламедомъ (которому Еврипидъ посвятилъ среднюю трагедію своей троянской трилогіи въ 415 г. ср. т. VI), онъ возжегъ фальшивые сигнальные огни, благодаря которымъ многіе корабли погибли на утесахъ (ср. трагедію Софокла „Навилій-возжигатель“, Софокль III 328). Спасшись, Менелай долго скитался вдоль береговъ Крита и Ливіи впопыхъ до (минойской) Эѳіопіи на западномъ окантѣ, гдѣ нѣкогда Персей правилъ какъ мужъ Андромеды. Геродотъ II 15 помѣщаетъ вышку Персея въ западномъ концѣ дельты, но Еврипидъ при его смутныхъ представленіяхъ о географіи Египта врядъ ли думалъ о ней.

Ст. 780. Этотъ стихъ повторяется Фин. 972; поэтому многіе, по примѣру Валькенара, считаютъ его здѣсь подложнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ (въ подлинникѣ) плохо вяжется со слѣдующимъ. И. Э. его не перевелъ, но Марри принялъ.

Ст. 793. Собственно, привратница ничего ему не сказала про сватовство Теоклимена, и на основаніи ея словъ ст. 468 сл. о немъ догадаться было трудно. Нѣтъ ли тамъ пробыла послѣ ст. 469?

Ст. 800. Обыкновенно „гикесія“ происходила у алгаря.

Ст. 822. Объясняется этотъ стихъ стихами 13 сл.

Ст. 841. Такое же соображеніе, какъ выше ст. 298 сл.

Ст. 847 сл. Менелай намекаетъ на смерть Ахилла, Аянта, Антилоха; всѣ они погибли подъ Троею и, стало-быть, изъ-за Елены.

Ст. 851. Соображеніе вызвано естественнымъ опасеніемъ, что среди варваровъ имъ не обезпечены честныя похороны. Объ этомъ, полагаетъ Менелай, позаботятся боги.

Ст. 865 сл. Я думаю, мнѣ удалось найти правдоподобное исправленіе ст. 866, одной изъ самыхъ отчаянныхъ сврипидовскихъ сгисес: я пишу: *σπυρὴν ἰσχυρὴν* (вм. *σπυρὴν δεσπυρὴν*) *αἰδῆρος* *μυθῶν*. Въ сѣрѣ скрыто пламя; поэтому она „истокъ изъ пѣдръ эѳира“. Что касается самой своеобразной дезинфекціи, которая здѣсь производится, то Теоноя нуждается въ ней именно какъ пророчица и сосудъ божьяго знанія; мы о ней, вѣроятно, знали бы больше, если бы намъ была сохранена пнеагорейская богословская литература тѣхъ временъ. Очищающее дѣйствіе сѣры (т.-е. правильнѣе: разрушеніе организмовъ сѣрнистой кислотой) извѣстно еще Гомеру. Здѣсь интереснѣе всего нравственная примѣсь: оскверняетъ нечестье, грѣхъ, отъ него тускнѣетъ божья сила. Это тоже въ духѣ пнеагорейскихъ ученій тѣхъ временъ.

Ст. 878. Изъ устъ пророчицы этотъ рассказъ о „раздорѣ враговъ“ звучитъ гораздо внушительнѣе, чѣмъ со словъ наивнаго преданія въ ст. 23 сл.—тѣмъ болѣе, что онъ вымышленъ самимъ Еврипидомъ. Его

собственнымъ воззрѣніемъ онъ не соответствуетъ (ср. Гер. 1340 сл.); но Феонія — представительница не его убѣждений, а просвѣщеннаго богословія, подобно Тиресію въ „Вакханкахъ“ или Евтифрону у Платона, которые оба (Вакх. 290 сл., Плат. Епт. б а с) признаютъ раздоры боговъ. — Непонятно только, почему про Геру предполагается, что она раньше была враждебна Менелая.

Ст. 903—908. Эти стихи И. Θ. по примѣру Диндорфа считалъ подложными и поэтому оставилъ безъ перевода; Марри устраняетъ (по примѣру Г. Германа) только ст. 905, сохранившійся въ испорченномъ видѣ. Согласенъ, что мѣсто грѣшитъ нѣкоторымъ многословіемъ.

Ст. 920. Я счелъ долгомъ сохранить своеобразное построение мысли подлинника, а именно его двѣ правды, правую и неправую (т.-е., выражаясь точнѣе, субъективное представленіе о правдѣ).

Ст. 923. Не понимаю, почему Марри и И. Θ. по примѣру Гервердена и Кларка измѣняютъ здѣсь рукописное τὰ τ' ἔτα καὶ μὲ, τὰ δὲ δίκαια μὲ εἰδὴν; согласное окончаніе обоихъ стиховъ ἐξείδων — μὲ, εἰδὴν при антицѣ въполнѣ допустимо и даже изяшно.

Ст. 925. Считаю необходимымъ исправить τῆς въ δίκης. Слово πᾶρρυον всегда означаетъ предметъ второстепенной важности; нѣкомъ образомъ не могла Елена такъ обозначить свое спасеніе по сравненію со своей судьбой, а только по отношенію къ правдѣ. Она говоритъ: спаси меня, во-первыхъ (и это главное) изъ чувства справедливости, и во-вторыхъ (что менѣе важно) изъ жалости.

Ст. 969 сл. Аидъ призывается, такъ какъ въ его власти находится душа Протея и онъ можетъ повѣствовать на нее. Обращеніе къ нему Менелая не отличается особой почитательностью: это — не олимпійскій богъ. Также приблизительно и Клитемнестра у Эсхила обращается съ Эриніями.

Ст. 984 сл. И здѣсь приходится припомнить Эсхила: такъ точно и Данаиды грозятъ, въ случаѣ отверженія ихъ просьбъ, осквернить своимъ самоубійствомъ кумиры боговъ, у которыхъ онѣ сидѣли просительницами.

Ст. 1004. Марри съ другими издателями измѣняетъ рукописное Μενέλωρ (зват.) въ Μενέλων, при чемъ получается тотъ смыслъ, который имѣлъ въ виду И. Θ., переводя:

Это сердце—

Святилище великой Правды; имъ

Нерею я обязана, и будетъ

Спасенъ Атридъ, поскольку въ нашихъ силахъ

Его спасти.

Не считалю этого измѣненія допустимымъ. Соединеніе Персева наслѣдіи со спасеніемъ Менелая насильственно; онъ просилъ ее вовсе не о своемъ только спасеніи; объявленіе уже здѣсь рѣшенія ослабляетъ впечатлѣніе дальнѣйшихъ словъ о Герѣ и Афродитѣ; и вообще постепенность рѣчи только выиграетъ, если мы, въ согласіи съ традиціей, отложимъ объявленіе рѣшенія до ст. 1010 сл.

Ст. 1006. Харита какъ богиня брака и плодородія (см. Софокль II 153) здѣсь очень умѣстна, но сравненіе со ст. 878 сл. заставляетъ насъ обязательно требовать Афродиты, почему нѣкоторые надатели и пишутъ $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ вм. $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$. Все же я согласенъ съ Марри, не трогаящимъ рукописнаго преданія; весьма возможно, что поэтъ здѣсь отождествляетъ Хариту съ Афродитой, основываясь хотя бы на томъ, что въ Иліадѣ (XVIII) первая, а въ Одиссеѣ (VIII) вторая названа супругой Гефеста.

Ст. 1013—16. И. Θ. не перевелъ этихъ стиховъ, считая ихъ очевидно по примѣру Диндорфа и Наука подложными (какъ впрочемъ и ст. 1008) Нѣкоторая натяжка въ нихъ есть, но это у Еврипида еще не доказательство подложности—въ тѣхъ случаяхъ, когда ему хочется высказать интересующую его мысль. А эта мысль дѣйствительно интересна: мѣтніе о неполной жизни умершаго здѣсь сведено къ тому, что при отрицаніи личнаго безсмертія допускается раствореніе души въ вѣнръ и безсмертіе совокупное. См. Nestle, Euripides 163.

Ст. 1032 сл. Съ уходомъ Эеоню кончается этический интересъ драмы, такъ же какъ съ исчезновеніемъ призрака ея трагическій интересъ; слѣдующее посвящено интригѣ побѣга, которая насъ расколлаживаетъ. Но мы не должны тутъ судить по себѣ: намъ она пріятна благодаря „романамъ для юношества“ (Купера и др.), въ которыхъ она играетъ крупную роль. Для Еврипида она какъ разъ въ эту эпоху была изюминкой. Да и этотъ интересъ былъ преходящимъ; онъ за свою интригу побѣга попался на зубокъ комическимъ поэтамъ, какъ доказываетъ пародія Аристофана (см. ниже), да и самъ поэтиче (б. м. начиная съ „Испитилы“) отъ нея отказался.

Ст. 1107 сл. Соловей у древнихъ считался пѣвцомъ не любви, а скорби; ср. мнѣ о немъ (Софокль III 363 сл.).

Въ ст. 1111 сл. поразительно совпаденіе съ „Птицами“ Аристофана (ст. 213 сл.), поставленными двумя годами раньше; съ трудомъ вѣрится, чтобы трагикъ могъ сознательно заимствоваться у комика, да еще врага. Вѣроятно, оба подражаютъ Софоклу—и скорѣе всего его „Терею“ (Софокль III 363 сл.).

Ст. 1126 сл. О коварной мести Навплия см. къ ст. 766 сл. Загадочно выраженіе „одинокій пловецъ“ (точнѣе: „одновесельный мужъ“). Его толкуютъ въ томъ смыслѣ, что Навплий самъ на лодкѣ добывалъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе.

Ст. 1132 сл. Новая буря настигла тѣ ахейскіе корабли, которые оглобали мысъ Малюю (юго-восточнѣе Лаконики); между ними находились корабли Одиссея и Менелая. Съ этого пункта для обоихъ скитальцевъ начинается область сказки.

Ст. 1137 сл. Очень трудная строфа, тѣмъ болѣе, что и текстъ не вездѣ въ порядкѣ. Переводъ И. Θ. я не тронулъ, но въ виду религиознаго философскаго интереса мѣста даю здѣсь его дословный прозаическій переводъ по тексту Марри. „Богъ ли или не богъ, или нѣчто среднее—ка-

кой смертный скажетъ, что онъ въ своемъ изысканіи нашелъ послѣдній предѣлъ, если онъ видитъ, какъ дѣла боговъ (слѣдовало ожидать: людей) мечутся туда и опять сюда и обратно по противоразсудной, неожиданной случайности? Ты, Елена, родилась дочерью Зевса: вѣдь въ опереніи посвялъ тебя отецъ въ лонѣ Леды. И ты же была обезславлена по эллинской землѣ какъ измѣнница, предательница, беззаконная, безбожная. И вотъ я не знаю, что еще достоверно у смертныхъ—но слово боговъ я нашелъ справедливымъ*. Но что можетъ быть „среднимъ между богомъ и не богомъ“?—Руководящая мысль направляется на сравненіе съ Ини. 1102 сл.

Ст. 1151 сл. Интересенъ этотъ призывъ отъ войны къ арбитражу.

Ст. 1165 сл. Эеоклименъ. Его первыя слова характеризуютъ его какъ человѣка набожнаго, напоминая о словахъ Елены ст. 9 сл. и косвенно подтверждая ихъ подлинность. Это—очень важная для дальнѣйшаго дѣйствія черта.

Ст. 1170. Собаки и сѣти—необходимыя принадлежности псовой охоты въ древности: въ сѣти загоняли звѣря. Часть „дома“ составляетъ и дворъ.

Ст. 1197. И. Э. по примѣру Наука и др. считаетъ этотъ стихъ подложнымъ и оставляетъ поэтому безъ перевода; но Марри его признаетъ, не упоминая даже о сомнѣніяхъ своихъ предшественниковъ. Совершенно съ нимъ согласенъ; мы не имѣемъ права лишать Эеоклимена той доли рыцарской учтивости, которую ему оставилъ поэтъ. Синтаксисъ предложенія тотъ же, что, напр., Пинд. Пив. VII 17; нарушение стихомѣриіи законно, такъ какъ имъ подчеркивается важность момента; что касается, наконецъ, психологіи, то можно сравнить Соф. Эл. 766 сл.

Ст. 1252 сл. Нечего и говорить, что предположенный здѣсь обрядъ, поскольку дѣло касается Греціи, фиктивный: утопуннымъ устраивали кенотафій, но только на сушѣ. Все же онъ сотканъ изъ греческихъ представленій.

Ст. 1271. Волею судьбы мнѣ приходится впервые объяснить этотъ стихъ, который мои предшественники (Г. Германъ, Гартунгъ, Наука, Герверденъ, Веклейнъ и др.) вѣдѣвнне своего незнакомства съ греческой религіей всячески коверкали и вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ надлежащемъ свѣтѣ всю интригу этого рѣшающаго мѣста. Дѣло въ томъ, что по представленію эллиновъ жертва, принесенная подземнымъ, была съ момента ея принесенія скверною для живыхъ; вотъ почему такое жертвенное животное предавалось всеожженію, между тѣмъ, какъ принесенная вѣннимъ богамъ жертва была „божьей трапезой“ для гостей. Зная богобоязненный характеръ Эеоклимена—недаромъ, значить, поэтъ его такъ усердно подчеркивалъ (см. къ ст. 1165 сл.),—Менелай хочетъ его и спугать возможностью, что море выкинетъ на берегъ оскверняющую подземную жертву и заразитъ его землю точно такъ же, какъ въ „Антигонѣ“ Софокла растерзанная плоть Полиника заражаетъ еиванскую область и дѣлаетъ ее богоненавистною (ст. 1065 сл.). Теперь самъ Эеок-

климень желает, чтобы страшный обряд совершился как можно дальше от его берега; отсюда его немедленный отвѣгъ: „Вамъ дамъ я быстрый финикійскій стругъ“. При такомъ освѣщеніи и характеръ Эеоклимена представляется правдоподобнѣе: онъ не столько глупъ, сколько именно богобоязненъ, δεισιδαιμόν, подобно тому Никію, который незадолго передъ постановкой „Елены“ вслѣдствіе своей богобоязненности погубилъ и себя и свое войско.

Ст. 1298 сл. Это мѣсто интереснѣе, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Конечно Эеоклимень, обѣщая наградить Менелая за его „добрую вѣсть“ (ст. 1280 сл.), не видѣлъ въ этой наградѣ, однако, ничего снѣшнаго: сначала пусть онъ поможетъ Еленѣ въ ея похоронномъ обрядѣ (ст. 1279), затѣмъ, вѣроятно, свадьба, а тамъ можно будетъ подумать и объ его собственномъ снаряженіи на родину. Но для Елены, вовсе не предполагающей вернуться съ Менелаемъ въ Египетъ послѣ (фиктивного) обряда, важно, чтобы царское слово было исполнено тотчасъ (насколько это благородно и солидно съ достоинствомъ трагедіи, это другой вопросъ, связанный съ трагическимъ значеніемъ интриги вообще; самъ Еврипидъ позднѣе отвѣтилъ на него отрицательно, и съ нимъ согласилась комедія, занимавшаяся у трагедіи этотъ гораздо болѣе къ ней самой идущій элементъ). И вотъ какъ она, чтобы усилить подозрѣніе Эеоклимена, мотивируетъ свою поспѣшность: „онъ съ болѣею любовью (φιλοτιμότερον) поможетъ мнѣ совершить обрядъ по Менелатъ, если сначала получить свое“. Эта мотивировка въ связи съ совершающимся именно въ нашу эпоху религіознымъ прогрессомъ: вѣра въ самодовлѣющую цѣнность обряда какъ такового (выражаясь схоластически по формулѣ Дунса Скота: ex opere operato sine bono molu utentis) уступаетъ мѣсто вѣрѣ въ необходимость сердечнаго участія совершающаго обрядъ. Особенно ярко выразилось новое ученіе у Софокла Э. К. 498 (идеть рѣчь объ умиловительномъ обрядѣ):

Суть не въ числѣ: одной души довольно,
Когда любовь въ ней теплится святая.

(въ подл.: ἓν εἶδος καρῆ). См. мои замѣчанія объ этомъ Софоклѣ II 171 и 174.

Ст. 1301 сл. Эта очень замѣчательная хорическая пѣснь содержитъ какъ бы отвѣгъ на вопросъ, поставленный въ послѣднихъ словахъ предыдущей; вмѣстѣ съ тѣмъ это—дальнѣйшее развитіе темы, затронутой впервые въ „Ипполитѣ“ ст. 1102—17 (см. коммент. къ этому мѣсту). Изъ бури сомнѣній! поэтъ усматриваетъ одинъ выходъ, возможный, правда, не для него. Этотъ выходъ—идея соборности, осуществленная въ религiи Διὸνι σα—и именно въ этомъ осуществленіи замѣчается прогрессъ въ сравненіи съ „Ипполитомъ“. Елена стала несчастной потому, что она какъ личность превосходящая и гордая—гордая своею красотой—стояла выше соборности, не сливалась съ совокупностью. Но, конечно, идея этой

соборности, выросши изъ трагедіи Елены, переросла свою героиню: тотъ ходъ мыслей, который поэтомъ впервые начатъ здѣсь, послѣдовательно, подѣляемъ личныя переживанія, привелъ его къ трагедіи Пенеея—къ „Вакханкамъ“, объ идеѣ которыхъ надлежитъ сравнить сказанное на послѣднихъ страницахъ введенія и въ комментаріи къ ст. 370—431.—Что касается мнѣя-носителя этой идеи, то поэтъ представилъ его здѣсь въ своеобразной формѣ, для которой мы полной аналогіи найти не можемъ. Общность экстатическаго ритуала сблизжала оргіи Діониса съ оргіями Великой Матери Боговъ, т.-е. матери-Земли, почитавшейся на Идѣ, чѣмъ падеъ Троей; это и есть „царица горъ“, развѣзжающая на запряженной львами колесницѣ (см. Соф. Фил. 391 сл.); въ ея культѣ впервые появились шумные тимпаны, которые уже изъ него, по мнѣнію поэта, проникли въ оргіи Діониса (см. Вакх. 120 сл.). Съ другой стороны, Діонисъ нашель сѣбѣ мѣсто и въ элевсинскихъ таинствахъ Деметры; отсюда слѣдуетъ для поэта тождество Деметры съ Великой Матерью, вполне естественное, такъ какъ для него и Деметра была та же Мать-Земля (см. Вакх. 276). И вотъ онъ, рассказывая мнѣю о похищеніи Кору Плутонемъ, замѣняетъ ся мать Деметру Великой Матерью. Это она на своей львиной колесницѣ мчалась вслѣдъ похищенной, сопровождаемая своими бранными подругами, Артемидой и Аонпой; но Зевсъ не даровалъ успѣха ея поискамъ. Тогда она, гнѣвная, удалилась на Иду и обрекла на безплодіе землю. Желая утѣшить ее, Зевсъ отправляетъ къ ней Музъ и Харитъ съ Афродитою во главѣ; игра тимпановъ и флейтъ заставила впервые, послѣ долгаго времени, улыбнуться скорбящую. Такъ были установлены оргіи Великой Матери, которыя загнѣмъ спутники Діониса распространили среди смертныхъ, оргіи утѣшенія всѣхъ несчастныхъ.

Само собою разумѣется, что о прямомъ толкованіи этого мнѣя-притчи (а именно, что несчастья Елены были послѣдствіемъ гнѣва на нее Великой Матери за то, что она изъ гордости не приносила ей жертвъ) не можетъ быть рѣчи, а съ этимъ отпадаетъ и главный вопросъ, откуда хоръ могъ знать, служила или не служила Елена въ Спартѣ этой богинѣ.

Ст. 1317. Слова „...мчались... Но отецъ боговъ“ составляли въ подлинникѣ одинъ стихъ, пропущенный переписчиками. Дополняется онъ различно, но о смыслѣ сомнѣнія быть не можетъ.

Ст. 1325 сл. Толкованіе этихъ словъ затруднительно; выходитъ какъ будто, что Великая Мать, удалившись на Иду (вслѣдствіе чего она стала „Идейской Матерью“), горными потоками сбросила въ равнину деревья и скалы, разрушая поля. У И. Θ. переданъ только общій смыслъ.

Ст. 1341 сл. Допуская участіе Музъ и Харитъ, поэтъ остался вѣренъ себѣ: ср. Гер. 673 сл. Афродита, какъ богиня красоты, и сама родственна Харитамъ; къ тому же она была и троянскою богиней, какъ мать Энея.

Ст. 1353—54. Отчаянныя слова; послѣ многихъ попытокъ ученыхъ ихъ возстановить приходится сказать съ Герверденомъ: ego nil reperio. Мой переводъ не вводитъ по крайней мѣрѣ ничего чуждаго, и только

подготавливает послѣднія слова; И. Θ., слѣдуя тексту и объясненію Г. Германа, переводитъ:

Огнемъ дукавымъ опалила
Въ покоѣ брачномъ ты того,
Чья страсть два войска погубила,
Но ты дразнила божество.

Это, однако, недопустимо, такъ какъ именно по мнѣоуѣ нашей трагедіи Елена не согрѣшила съ Парисомъ.—Текстъ Марри я здѣсь отка- зываюсь понять.

Ст. 1362 сл. вводитъ подробность вакхическихъ игръ, изъ другихъ описаній намъ неизвѣстную; буквальныи переводъ — „и круговое воз- душное (αἰθέρια) сотрясеніе вращающагося волчка“—исключаетъ воз- можность обычнаго толкованія (о вращающемся на землѣ волчкѣ, подгоняемомъ ударами кнутика) и заставляетъ думать, что древнія вак- ханки уже знали игру, лишь недавно ставшую популярной у нашихъ дѣтей (т. наз. „diavolo“).

Ст. 1366—67. Опять два отчаянныхъ стиха. Марри воздерживается отъ восстановленія, И. Θ.—отъ перевода. Мой переводъ развиваетъ гос- подствующее понятіе κωκυδῆς, прибавляя къ нему единственное пред- ставленіе, выступающее ясно въ туманѣ этого мѣста — представленіе αἰθήρ.

Ст. 1372 сл. Полагаю, что пророчица не могла сказать прямой лжи, въ подлинникѣ ся и нѣтъ, такъ какъ ся слова допускаютъ и общее тол- кованіе („мертвыи не видитъ солнца“,—что вполнѣ правильно, хотя и тривиально), и частное („Менелай, мертвыи, не видитъ солнца“). Эту двусмысленность я и сохранилъ въ переводѣ, предоставляя читателю мысленно заключить слово „мертвыи“ въ запятія.

Ст. 1389. Тотъ же мотивъ и въ Иф. Тавр. 1067 сл. Правда, тамъ обѣ- щаніе сбывается (ст. 1482); здѣсь трудно даже предположить, какъ бы оно могло быть исполнено.

Ст. 1421. Эти слова не выражаютъ убѣжденія благочестиваго Θεокли- мена (см. ст. 1165 сл.), а припоровлены только къ случаю.

Ст. 1422 сл. Отмѣтить здѣсь тонкую женскую игру Елены съ вклю- бленнымъ варваромъ, которая едва не достигаетъ чрезмѣрныхъ резуль- татовъ въ ст. 1427.

Ст. 1444. Интересное для античной религіозности мѣсто. Ниже подъ „горькой мольбой“ опъ разумѣетъ укоризненную вродѣ той, которую мы слышимъ изъ устъ Менелая въ Илиадѣ III 365 сл.

Ст. 1451 сл. Эта хорическая пѣснь представляетъ собой по своему содержанию т. наз. *proreptikon*, т.-е. пѣснь благословенія отпра- вляющемуся въ путь; древнѣйшій образчикъ такой пѣсни найденъ не- давно—это пропеитикъ Саффо ся брату Хараксу (см. переводъ Вяч. Иванова въ нашей коллекціи „Алкей и Саффо“ стр. 86); другіе знаменитые примѣры—Θεокритъ VII 52 сл. и особенно Гораций, ода I 3. Обычны въ такого рода пѣсняхъ призыванія морскихъ божествъ, особенно Нерейдъ,

олицетворенныхъ морскихъ волнъ, и ихъ спутниковъ дельфиновъ, а также и Диоскуровъ. Изъ Персидъ здѣсь названа Галанаея (у Гесіода: Галена), олицетвореніе морской тишины — не полной, однако, каковая была бы неблагоприятна для плаванія, а такой, при которой приходится распускать весь парусъ и греблей приходится на помощь тихому вѣтру. Правда, морякамъ быпасть пріятіе „наполняющій паруса попутный вѣтеръ, славный товарищъ“ (по Гомеру), освобождающій ихъ отъ гребли; но поэтъ б. м. имѣть причины личнаго характера предпочитать—какъ здѣсь, такъ и въ пародѣ „Фэзонта“ (см. т. VI)—тихое море.

Ст. 1464. О дождѣ Персея см. Софокль III 242 сл. Собственно Менелай стремился въ Спарту; но поэту было извѣстно, что онъ высадился въ Навплии, аргосской гавани (гдѣ справилъ гризну по Клитемнестрѣ, ср. трагедію „Орестъ“) и оттуда сушею продолжалъ путь въ свое царство.

Ст. 1465 сл. Точный переводъ: „Вѣрно ты улучишь рѣки (конечно, Еврота) застанешь дѣвъ-Левкиппидъ или передъ храмомъ Паллады, послѣ долгаго времени сойдясь съ ними въ хоровахъ“. Упоминаніе храма Паллады (Мѣнозланиной, см. къ ст. 228) И. Ф. пропустилъ; дѣйствительно, согласовать его съ остальными частями предложенія не легко: непонятно, какое отношеніе имѣютъ къ нему дѣвы-Левкиппиды. Эти послѣднія—Иланра и Фебл—женскія параллели къ Диоскурамъ, которые, похитивъ ихъ, сдѣлали ихъ своими женами. Въ Спартѣ имъ былъ посвященъ храмъ, жрицы котораго тоже назывались Левкиппидами (ср. Павс. III 16, 1); объ этихъ послѣднихъ здѣсь и говорится.

Ст. 1469 сл. Гіаккиѳи — на ряду съ Кариеми (см. къ Алк. 445—52) самый древній и священный спартанскій праздникъ, справлявшійся въ теченіе трехъ дней, скорѣе всего въ маѣ, въ честь Гіаккиѳа и его сестры Полибеи, подземныхъ боговъ смерти и воскресенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плодородія земли. Позднѣе, когда религія Аполлона воцарилась въ Греціи, Гіаккиѳъ сталъ прекраснымъ юношей, любимцемъ Аполлона, который его нечаянно убилъ во время метанія диска.

Ст. 1478 сл. Журавли осенью станицами покидаютъ сѣверъ; эта характерная для нашей осени картина запечатлѣна еще Гомеромъ Ил. III 3:

Крикъ журавлей раздается такой же съ поднебесья, кон,
Зимнихъ чуждая буря и дождей неустанныхъ непастья,
Съ крикомъ по вышнимъ путямъ улетаютъ къ волнамъ Оксана.

Еврипидъ эту картину удержалъ. Но онъ выражается осторожно, не заставляя своихъ пѣвицъ мысленно участвовать въ этомъ осеннемъ перелетѣ журавлей. Дѣйствительно, у Гомера они летятъ съ сѣвера на югъ, изъ дождливой страны въ бездождную; Еврипидъ воспроизводитъ это представленіе. Напротивъ, хоръ изъ Египта, страны бездождной, стремится душою въ Спарту: съ юга на сѣверъ, значитъ. Тѣ журавли, которымъ онѣ поручаютъ свою вѣсть, совершаютъ свой весенній перелетъ

передъ майскимъ праздникомъ Пакнией (къ ст. 1469 сл.). Правда, мы въ претензи на поэта, что онъ при такихъ обстоятельствахъ вообще удержалъ картину осенняго перелета; и еще болѣе въ претензи мы на него, что онъ заставляетъ своихъ вѣстниковъ мчаться по направленію къ Плеядамъ и Оріону, т.-е. на югъ. Но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Ст. 1537. Участіе воиновъ Менелая въ общемъ замыслѣ объясняется ст. 1069 сл.

Ст. 1567 сл. Отсюда видно, что щедрый царь исполнилъ оба свои предложенія ст. 1258; правда, конь здѣсь совершенно безполезенъ.

Ст. 1574. Т.-е. грекъ сидѣлъ рядомъ съ египтяниномъ.

Ст. 1597. Въ подлинникѣ загадочный стихъ.

Ст. 1627 сл. Рукописи здѣсь собесѣдникомъ царя выставляютъ хоръ; но ст. 1630 доказываетъ (въ подлинникѣ), что говорящимъ былъ мужчина, такъ какъ о женскомъ хорѣ по правиламъ только въ общихъ мысляхъ говорятъ въ мужескомъ родѣ. Марри вводитъ здѣсь новое лицо—„слугу Θεοον“. Съ Веклейномъ и другими я полагаю, что достаточно и поина Θεοκλιμενα.

Ст. 1650. Текстъ въ этомъ стихѣ сомнителенъ, но смыслъ ясенъ.

Ст. 1673. Островъ, тянущійся вдоль сѣверовостоchnато побережья Атики, носилъ въ древности имя Елены; это имя въ древности нерѣдко объясняли тѣмъ, что здѣсь впервые Парисъ и Елена, высадившись послѣ бѣгства изъ Спарты, насладились любовью (о такомъ островѣ упоминаеть и Гомеръ Ил. III 445, называя его, однако, Кранаей). При обычной формѣ преданія это возможно: плывя изъ Спарты въ Трою мимо греческихъ береговъ, бѣглецы дѣйствительно могли высадиться на островѣ Елены—и нынѣ пароходъ на пути изъ Смирны въ Пирей проплываетъ мимо него. Но при принятомъ Еврипидомъ вариантѣ это совершенно неправдоподобно; какъ могли Гермесъ съ Еленой, пролетая изъ Спарты въ Египеть, отдохнуть на этомъ островѣ, лежащемъ къ сѣверу отъ Спарты? Тутъ сказалась та же географическая беззаботность Еврипида, которую мы усмотрѣли и Гклд. 843 сл. (см. выше стр. 29) и въ другихъ мѣстахъ.

Ст. 1676—79. Еврипидъ вспоминаеть здѣсь о пророчествѣ Протоя Одисс. IV 561):

Ты-жъ, Менелай, не умрешь: на окраинѣ міра земного
Боги тебя поселятъ, въ Елисейской блаженной долині.
Сладостно жизнь тамъ течеть, какъ нигдѣ, для людей земнородныхъ.
Ихъ тамъ не мучать ни сибѣгъ, ни порывы Борея, ни ливень.
Нѣтъ, Оксана тамъ волны прохладою вѣчною дышатъ,
Вѣчно тамъ съ шопотомъ вѣжнымъ ласкаетъ зефиръ челоуѣка.
Это—за то, что Елены супругъ ты и зять Громовержца —

при чемъ онъ только замѣняетъ гомеровскій Елисей гесіодовскими „островами блаженныхъ“. Последняя мотивировка, у Гомера паизная, у Еврипида

не лишена своеобразной горькой ироніи: блаженству „благородныхъ“ противопоставляется участь „не идущихъ въ счетъ“. Очень несогласенъ съ одобренной Веклейномъ попыткой Гартунга признать этотъ стихъ подложнымъ, какъ противорѣчащій міровоззрѣнію Еврипида; съ его исключеніемъ пропадаетъ вся соль.

Ст. 1688—92. Объ этихъ стихахъ и ихъ русскомъ переводѣ см. сказанное къ Андр. 1284 сл.

* * *

Пародія Аристофана. Какъ уже было сказано выше (къ ст. 1032 сл.), интрига побѣга, введенная Еврипидомъ въ эту трагедію, вызвала неодобреніе также и современной ему критики; его отголосокъ мы находимъ въ комедіи Аристофана „Тесмофоріи“ (Thesmophoriazousai), назначенной къ постановкѣ въ 411 г., т.-е. годомъ позже Елены. Содержаніе ея слѣдующее.

Еврипидъ провѣдалъ, что собирающіяся на праздникъ Тесмофоріи женщины намѣрены говорить о немъ въ своемъ собраніи по поводу женоненавистнической тенденціи его трагедій и вынести несприятную для него резолюцію; онъ хочетъ уговорить женоподобнаго собрата, трагика Агаѳона, переодѣться женщиной и, отправившись къ празднующимъ, произнести рѣчь въ его пользу; когда же Агаѳонъ отклоняетъ отъ себя это опасное порученіе, его своякъ—по рукописямъ, его гость Мнесилохъ—возмущенный этой трусостью, рѣшается самъ его исполнить. Для этого ему приходится первымъ дѣломъ пожертвовать своей сѣдой бородою; затѣмъ онъ отправляется на праздникъ, напутствуемый благословеніемъ Еврипида и его обѣщаніемъ выручить его въ случаѣ бѣды. Роль свою онъ разыгрываетъ добросовѣстно, но его всетаки облачаютъ. Одна изъ женщинъ отправляется доложить о святотатствѣ притану; другія возвращаются къ священнодѣйствіямъ, оставивъ Мнесилоха, все еще переодѣтаго, подъ надзоромъ дюжей и злой старухи. Тотъ не унываетъ—пестаромъ онъ поклонникъ Еврипида. И вотъ тутъ начинаются пародіи.

Сначала онъ разыгрываетъ Телефа съ похищеннымъ ребенкомъ у алтаря; но ничего не выходитъ, такъ какъ ребенокъ оказывается переодѣтымъ виновнымъ мѣдомъ и послѣ испытія теряетъ всякую цѣнность. Затѣмъ прикидывается Паламедомъ (соответственная трагедія была поставлена въ 415 г.), но и это не дѣйствуетъ. Онъ начинаетъ сердиться (ст. 846 сл.).

Мнесилохъ.

Чуть глазъ не вывихнулъ: гляжу, гляжу—
Его же нѣтъ какъ нѣтъ. Что съ нимъ? Навѣрно
Стыдится „Паламеда“ своего.
И подлинно: вещь слабая. Какой же
Трагедіей его мнѣ заманить?..

Нашель: я новую его „Елену“
Здѣсь разыграю. Кстати и нарядъ
Оставили мнѣ женскій, Ну, за дѣло!

Старуха.

Ты что ворочаешься? Что юдишь?
Я дамъ тебѣ Елену! Смирно, старый,
Сиди, пока не явится пританъ!

Мнесилохъ-Елена.

Здѣсь блещутъ Нила дѣвственные волимы: =Ел. 1.
Взамѣнъ росы небесной, онъ понтъ
Египта черномазья отродья.

Старуха.

Клянусь Гекатой свѣтоносной, пауть ты!

Мнесилохъ-Елена.

Отечество на долю не безъ славы =Ел. 16.
Мнѣ дали боги: Спарту; и Тиндарь
Быль мнѣ отцомъ.

Старуха.

Тебѣ отцомъ, мерзавецъ,
Быль онъ? По-моему: скорѣй Фриондъ¹⁾.

Мнесилохъ-Елена.

Я названа Еленой. =Ел. 22.

Старуха.

Что? Опять
Ты лѣзешь въ женщины? Сначала, другъ мой,
За прежнюю продѣлку расплатись!

Мнесилохъ-Елена.

И много душъ изъ-за меня погибло =Ел. 52.
На берегахъ Скамандра.

Старуха.

Очень жаль,
Что безъ тебя!

¹⁾ Еврипидъ и Фриондъ были излюбленными типами мошенниковъ въ греческой народной новеллистикѣ.

Мнесилохъ - Елена.

Спасибо! Съ той поры

=Ел. 49.

Я здѣсь живу, а мужъ мой злополучный,
Мой Менелай, замѣшался, проклятый!

И для чего-жъ еще живу я?

=Ел. 56.

Старуха.

Видно,

Не знаютъ дѣла вороны свою!

Мнесилохъ - Елена.

Но что-то душу мнѣ ласкаетъ. Боже!
Не погуби надежды и ѣжной цвѣтъ! ¹⁾

Еврипидъ - Менелай

появляется, потѣшно покрытый лохмотьями паруса.

Вотъ дивная твердыня! Чья она?
Кто приметъ чужестранцевъ, утомленныхъ
И свистомъ бурь, и качкою морской? ²⁾

=Ел. 68.

Мнесилохъ - Елена.

Ты видишь домъ Протея.

=Ел. 150.

Старуха.

Что? Протея?

Ахъ, образина! (Еврипиду:)

Вреть онъ, потъ те дѣв

Богини! Умеръ онъ, тому лѣтъ десять ³⁾.

Еврипидъ - Менелай.

Въ какую-жъ землю богъ меня направилъ?

Мнесилохъ - Елена.

Въ Египетъ.

Еврипидъ - Менелай.

О, куда я занесенъ!

=Ел. 161.

¹⁾ Изъ неизвѣстной трагедіи.

²⁾ Послѣдніе два стиха тоже изъ неизвѣстной трагедіи.

³⁾ Старуха имѣетъ въ виду аѳинскаго стратега Протея (Protæus, не Protæus), Эпиклова сына.

Старуха.

Ты висѣльнику вѣришь? Вздоръ сплошной!
Онъ мелесть. Предъ тобою—Фесмофоритъ.

Еврипидъ-Менелай.

А самъ Протей—въ отъѣздѣ онъ нль дома? =Ел. 467.

Старуха.

Тебя, я вижу, укачало, гость,
И здорово: вѣдь сказано, что умеръ
Протей! А ты: „въ отъѣздѣ онъ, нль дома?“

Еврипидъ-Менелай.

Онъ умеръ, горе! Гдѣ-жъ похороненъ?

Мнесилохъ-Елена.

Вотъ гробъ его; на немъ сижу я нынѣ. =Ел. 466.

Старуха (испуганная и возмущенная)

Проваль тебя возьми! Возьметъ, увидишь:
Какъ смѣлъ ты гробомъ называть алтарь?

Еврипидъ-Менелай.

А ты зачѣмъ въ сидѣннiи могильномъ
Поникла здѣсь съ покрытою главою?

Мнесилохъ-Елена.

Протей сынъ въ бракъ требуетъ меня.

Старуха.

Зачѣмъ ты, тварь, обманываешь гостя?
Мошеникомъ сюда пришелъ онъ, гость,
На украшенья женскія польстился!

Мнесилохъ-Елена.

Твой лай меня не тронетъ!

Еврипидъ-Менелай.

Чужестранка,
Кто эта вѣдьма, что тебя поноситъ?

Мнесилохъ-Елена.

Царевна Феоня.

Старуха.

Да, какъ разъ!

Критила Ангиѳеева, съ Гаргета,
А ты—безстыдникъ.

Мнесилохъ-Елена.

Что-жъ, бранись, но я
За брата твоего не выйду, бросивъ
Супруга, что подъ Троей—Менелая.

Еврипидъ-Менелай.

Кого? Сюда звѣницами блесни!

Мнесилохъ-Елена (стыдливо отворачиваясь).

Мнѣ совѣстно, что бороду сбрила я

Еврипидъ-Менелай.

Что ты промолвила? Языкъ коси ѳетъ.
Что вижу, боги, я? Кто ты, жена?

=Ел. 549.

=Ел. 55 .

Мнесилохъ-Елена.

Открой себя. Желанья насъ роднятъ.

=Ел. 558.

Еврипидъ-Менелай.

Гречанка ты, иль здѣшняя? Скажи мнѣ.

=Ел. 561.

Мнесилохъ-Елена.

Гречанка, да. А ты? Ты тоже грекъ?

=Ел. 562.

Еврипидъ-Менелай.

Ты до того похожа на Елену!

=Ел. 563

Мнесилохъ-Елена.

Ты-жъ—вылитый Атри дъ изъ-подъ петрушки ¹⁾.

=Ел. 564.

Еврипидъ-Менелай.

Да, это я, —увы,—несчастный этотъ!

=Ел. 565

¹⁾ Комическіе поэты часто попрекаютъ Еврипида профессіей его матери Клиты, которая будто бы была огородницей. Ср. очеркъ въ V томѣ,

Мнесилохъ-Елена (бросается къ нему).

О, наконецъ, вернулся ты къ женѣ.
Бери меня, супругъ! Обвей рукою,
Облобызай! Бери, бери, бери—
Живѣе только! (Хочетъ съ нимъ бѣжать; старуха преграждаетъ имъ
путь).

Старуха.

Взвоевъ тотъ, который

Посмѣетъ увести тебя отсюда:
Всю шкуру факеломъ ему спалю.

Еврипидъ-Менелай.

Не воленъ я жену свою отсюда,
Тиндара дочь, во Спарту увести?

Старуха.

Да ты и самъ, любезнѣйшій, не плуть ли
И не сообщникъ ли ему? Недаромъ
Арапами прикидывались. Ну,
Къ нему расплага близится, я вижу:
Идетъ пританъ, и полицейскій съ нимъ.

Еврипидъ.

Да, дѣло дрянъ. Теперь давай богъ ноги!

Мнесилохъ.

А я несчастный?

Еврипидъ.

Будь покоснѣ; я

Тебя не выдамъ, если живъ останусь.
Мои уловкамъ нѣтъ числа, повѣрь. (Уходитъ).

Старуха.

На этотъ разъ пустымъ вернулся неводъ.

Дѣйствительно, они разыгрываютъ въ дальнѣйшемъ еще „Андромеду“ (тоже 412 г.) въ присутствіи полицейскаго, но тоже безуспѣшно. И иронія комедіи заключается въ томъ, что Еврипидъ, исчерпавъ свои трагическія уловки, вынужденъ прибѣгнуть къ житейскимъ, предлагая полицейскому взятку; а какую—объ этомъ пусть читатель справится у самого Аристофана.